

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Бондаренко Андрея Андреевича

**«Грамоты польской королевы Боны Сфорца православному
духовенству Великого княжества Литовского (1523 – 1556):
источниковедческое исследование»,**

представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования.

Диссертация Андрея Андреевича Бондаренко заслуживает похвалы, так сказать, по определению: уже за саму тему, которую выбрали диссертант и его научный руководитель. Автор этих строк увлёкся историей Великого княжества Литовского в конце 80-х годов прошлого века. Тогда, «стоя на плечах гигантов» и оптимистично взирая в будущее, мы думали, что вот оно пришло, наконец, время интенсивного и вдумчивого изучения в российской науке истории и источниковедения такого феномена политической и культурной жизни Восточной Европы, как Великое княжество Литовское. Однако, вспыхнувший, вроде бы, ярко огонь интереса к этой увлекательной и важной истории, рассыпался искрами и, фактически, погас. Можно сказать и так, что сейчас он едва тлеет, а полнокровное изучение истории ВКЛ мы передали уважаемым коллегам из сравнительно недавно возникших восточнославянских стран. Именно этим и введением в оборот определенного комплекса источников и обуславливается важное значение диссертации, а не неким «культурным поворотом», который, якобы, посетил и наши пенаты: ученые, похоже, начинают плутать во всех этих «поворотах», которые в изобилии обнаруживают в современной научной действительности.

Во введении, как и положено, вполне со знанием дела даётся «экспозиция». Читателю ясно, что проведена большая предварительная работа по выявлению тех памятников, которые диссертант хочет положить в

основу своего исследования. Однако, до конца всё-таки не понятно, насколько этот комплекс документов является репрезентативным, а также до какой степени глубины и ширины автор хочет изучать те социальные связи, отражение которых он наблюдает в документах. Во второй главе диссертант отмечает, что не будет изучать документы на латыни, т.к. это совсем другая «западноевропейская документальная традиция» (с. 102). Однако, этот тезис нуждается в дополнительном обосновании, поскольку в реальной жизни «традиции» вполне могли пересекаться. Хронологические рамки исследования понятны и, в общем-то, обоснованы, хотя не совсем понятно, как они соотносятся с жизнью и деятельностью самой героини исследования. Заявлена методология, которая достаточно проверена и традиционна, сформулированы задачи.

Само исследование укладывается в пространство шести глав. Наибольшие вопросы вызывает первая глава: насколько она уместна в источниковедческом исследовании? Какую, собственно, цель преследует автор? На основе опубликованной литературы старается дать многогранный образ литовско-русской государственности. На первый взгляд образ этот, действительно, многогранен: от анализа униатского процесса до характеристики культуры ВКЛ. Но этот анализ статичен и несколько поверхностен, что особенно досадно, поскольку во «Введении» диссертант гарантирует, что «изучаемые исторические источники рассматриваются в контексте того правового поля и той социокультурной действительности, которые с *течением времени* (курсив мой – А. Д.) формировались в Великом княжестве Литовском и вследствие существования которых стало возможным функционирование института светского церковного патроната» (с. 25 – 26) . Значит, тогда и надо было показать, как формировалась эта социокультурная действительность. Впрочем, вряд ли это возможно сделать в рамках такого рода исследования... От таких «общих» вопросов А. А. Бондаренко уходит и в дальнейшем. Так, в очерке о Боне (см. ниже) он приводит слова В. И. Пичеты о том, что «волочная помера» Боны была

«аграрной революцией», которая разрывала со старыми формами землевладения и землепользования (с.75 – 76). Но, в чём суть этой «революции» никак не поясняет.

Зато российскому читателю весьма импонирует правильное утверждение автора о языке. Действительно, наиболее уместно именовать эту «кириллицу на славянском языке» (М. Е. Бычкова) русским языком. И зря автор делает отступление в сторону «языка Литовской метрики» или «языка литовской канцелярии» (с. 56 – 57).

Безусловно, интересен (особенно на фоне бедной историографической традиции) очерк о Боне Сфорца. Правда, трудно согласиться с утверждением, что «непоследовательность в использовании ее титула опять же может быть объяснена копийным характером документов метрики королевы Боны» (с. 70). Думается, что такая непоследовательность объясняется ещё самой исторической реальностью, не вылившейся в твёрдые правовые и титулярные формы. Не совсем ясно, зачем диссертант постулирует то, что Бона может быть объектом имагологии и гендерной истории (с. 83). Впрочем, это, наверное, перспективы будущих исследований...

Вторая глава посвящена проблемам «канцелярий» в ВКЛ. В этой связи отметим, что не совсем ясным осталось в работе соотношение «метрики» Боны с её «архивом». Но соображения автора по поводу канцелярий представляются весьма интересными. Они были бы более убедительным, примени он большее историческое погружение. Э. Банионис показал в своих работах позднее происхождение письменного документа в ВКЛ. Но диссертант на его работы не ссылается. В то же время сам диссертант отмечает неустойчивость понятия «канцелярия» даже в XVI в. (с. 90). Все наблюдения, которые диссертант приводит касательно «канцелярии» Боны, весьма интересны, в частности, круг должностных лиц, хотя диссертант в данном случае сам сетует по поводу того, что не привлёк не кириллические документы, ведь кириллические документы содержат мало подобных сведений (с. 104). Впрочем, объективности ради, отметим, что именно здесь

диссертант отступает от провозглашенного им принципа – не трогать латиноязычные документы и привлекает ряд таких источников.

Хорошо изучена и практика выдачи грамот. Считаем, что предположение о том, что «персоны, ходатайствовавшие перед представителями высшей власти в пользу некоего просителя, могли быть мотивированы последним с финансовой стороны» (с. 113) является спорным. Такая традиция может быть проявлением и каких-то черт общественных отношений, во многом уходящих в старину... Судопроизводство, осуществляемое Боной, изучается в диссертации только с точки зрения формирования источниковой базы. Между тем, те социальные связи, о которых говорилось в начале диссертации, на этом материале могли бы заиграть разными красками. Интересно и со знанием дела изучен «процесс документирования» (с. 122 – 127), а также практика ведения и хранения канцелярских дел (с. 127 – 134). Не можем, правда, не отметить своеобразную авторскую манеру диссертанта: он ставит те или иные задачи, например, изучение бытования письменного акта во времени, но к кому он адресует решение задачи, не совсем понятно.

В третьей главе А. А. Бондаренко изучает «метрику» королевы Боны. Кстати, стоит ли архив Боны именовать «метрикой»? Конечно, авторитет С. Л. Пташицкого велик, но на наш взгляд, такое утверждение вносит некую путаницу и затемняет ситуацию с документальным наследием ВКЛ. Эту ситуацию не очень проясняют и дальнейшие рассуждения, в которых фигурируют и «метрики», и «архив», и «обособленный комплекс» (с. 151). Интересен раздел, посвященный «проблемам и задачам реконструкции архива Боны», но, судя по его содержанию, автор, снова остановился на этапе этих самых «проблем и задач». В двух очередных разделах диссертант пересказывает сведения касательно издания Литовской метрики «прежде и теперь». Здесь немало страниц занимает, в общем-то, правильная критика автором издания 32-й книги записей литовскими и украинскими историками. Правда, критику эту можно было бы вынести и за пределы диссертации.

Во втором разделе автор, наконец, добирается до тех самых грамот православному духовенству с тем, чтобы проанализировать их содержание. В четвертой главе устанавливается состав имений Боны в ВКЛ. Глава интересна с точки зрения важной вспомогательной исторической дисциплины – исторической географии, хотя тут же диссертант стремится разобраться и в характере власти и собственности Боны в связи с упоминаемыми землями. Здесь есть запоминающиеся и убедительные предположения, например, касательно Кобринской волости и роли в ней пана Костевича (с. 187). Честно говоря, не совсем понятна логика в связи с Усвятами: «Из многочисленных владений королевы Боны Сфорца Усвяты — это единственное ее имение, которое в настоящий момент относится к территории России. В этой связи история административно-территориальной принадлежности этой волости, ее управления и налогообложения заслуживает более подробного исследования» (с. 192). Это что, патриотизм так проявляется? Не могу не отметить и историографическую странность: во всём разделе нашел одну лишь ссылку на одну из работ М. В. Довнар-Запольского, чьи работы тут ничуть не меньше важны, чем труды М. К. Любавского. Может тут тоже какое-то чувство? Посему и призыв автора к изучению социальных институтов на этих землях (с. 205) на фоне существующих работ Довнар-Запольского звучит как-то странно.

Последующие разделы исследования лежат уже на пересечении с церковной историей. Автор пытается установить объем права церковного патроната, принадлежавшего Боне, а также правовые отношения Боны с духовенством. Проанализировав значительный материал, диссертант установил, что он всё-таки не настолько значительный, чтобы делать окончательные выводы касательно ареала распространения церковного патроната Боны. Церковная инвеститура переходила к королеве вместе с правами на церковные владения. Автор предположил, что такая система формировалась на протяжении многих десятилетий (с. 230). Но что способствовало её формированию, какие обстоятельства государственного

устройства ВКЛ этому благоприятствовали, так и осталось за пределами исследования.

Глава 6 является заключительной и, видимо, ключевой в этом источниковедческом исследовании. Здесь диссертант вполне может опереться на разработки своих предшественников, в частности, своего учителя С. М. Каштанова. Однако он развивает предшествующие достижения, резонно указывая на то, что «наследие архива канцелярии Боны Сфорца представлено широким спектром актовых и делопроизводственных источников, попытки систематизации которых неизбежно приведут к смешению понятий частноправового, публично-частного, публично-правового акта. Если следовать класси-

фикационной схеме С.М. Каштанова 1988 г., в которой учтены документы не только договорного, но и других видов, окажется, что грамоты метрики королевы Боны находят свои места во всех указанных группах» (с. 239). Тут нельзя не заметить, что сложность ситуации определяется не только (и не столько) проблемами письменной культуры и делопроизводственной практики, сколько «неоднозначности правового статуса многих средневековых землевладельцев». Собственно, диссертант это и замечает, за что ему честь и хвала. Но следующий, вполне естественный вопрос, откуда проистекает такая неоднозначность в условиях ВКЛ? Диссертант на это вопрос ответа не даёт и, как положено источниковеву, уходит в терминологические «разборки». Речь, в частности, идёт о терминах «привилей», «лист», «грамота» и др.

Сам он вырабатывает довольно убедительную терминологию: «пожалования светских административных должностей целесообразно именовать данными листами (на воеводство, на войтовство и т. д.); пожалования духовных санов — ставленными листами» (с. 253) Диссертант вполне справедливо считает, что в случае с актами изящество и лапидарность схемы должна быть принесена в жертву большей конкретизации социальной и правовой функции акта (с. 255). Убеждает также выделение «дозволенных

актов». Глава завершается схемой систематизации. Когда её обзриваешь, то сразу приходит в голову мысль о том, что она удачна, а вторая мысль: она была бы ещё более удачной и убедительной, если бы основывалась на более репрезентативном компендиуме актов.

В заключении находим довольно подробное подведение итогов, которое ведётся по главам и позволяет читателю ещё раз, уже последний, бросить взгляд на масштаб работы автора по сбору материала и по его анализу в источниковедческом ключе. Кто-то, видимо, поспорит с методическим выводом диссертанта о возможности и необходимости издания книг Литовской метрики на основе тематического отбора, основанном на критерии авторства. Но почему бы и нет, тем более, что этот принцип уже был воплощен в изданиях Археографической комиссии. Это не только восстановит «документальное наследие делопроизводственных центров», но может и облегчить работу с актовым материалом. Но лучше бы сочетать оба принципа. Да хоть бы как-то издавали!

Заканчивая чтение работы, хотелось бы отметить хороший язык диссертации, с весьма редкими стилистическими погрешностями. Все те замечания, которые были высказаны выше, никак не влияют на высокую оценку диссертации, это скорее некоторые элементы научной полемики в развитие и углубление взглядов, высказанных диссертантом.

Необходимо также отметить уместность тех приложений, которые есть в работе. В Приложении 1 содержится хронологический перечень грамот королевы Боны Сфорца и ее урядников православному духовенству Великого княжества Литовского. В Приложении 2 приведен: «Состав должностных лиц польской королевы, великой княгини литовской Боны Сфорца». Приложения являются естественным и закономерным продолжением диссертации, составляя с ней единое целое. Такую роль приложений далеко не всегда можно узреть в диссертационных исследованиях.

Диссертационное исследование А. А. Бондаренко является полностью завершённой, самостоятельно выполненной научно-квалификационной

работой, в которой автор успешно рассмотрел крупную исследовательскую проблему, имеющее важное значение (и теоретическое, и практическое), для развития представлений о прошлом. По теме диссертации опубликовано 15 научных работ, в том числе 4 в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК. Результаты работы озвучивались на российских и международных конференциях. В работе явно присутствует новизна, причем, выводы хорошо и обстоятельно аргументированы. Текст диссертации соответствует специальности 07.00.09, автореферат и публикации отражают основное содержание диссертации.

Таким образом, это завершённое, целостное исследование, в котором решаются серьёзные научные проблемы, что соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а её автор Бондаренко Андрей Андреевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Официальный оппонент
 доктор исторических наук, профессор,
 заведующий кафедрой истории России с древнейших
 времен до XX века Санкт-Петербургского государственного университета
 Дворниченко Андрей Юрьевич

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ

А.Ю. Дворниченко

ЗАВЕРЯЮ

